

УДК 811.512.145'373

Ф. И. Тагирова, Д. К. Вахитова

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ
С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В ТАТАРСКОМ
И УДМУРТСКОМ ЯЗЫКАХ**

В работе рассматриваются зоонимы в татарском и удмуртском языках на предмет выявления наиболее характерных особенностей их функционирования как инвектив. Результаты межъязыкового сопоставления свидетельствуют о том, что в обоих языках лексико-фразеологические средства с компонентами-зоонимами активно используются как наиболее эмоционально-экспрессивно и стилистически окрашенные инвективы. При этом обнаруживаются единицы, полностью идентичные, частично схожие, различные и противоположные с точки зрения семантического и образного наполнения.

Ключевые слова: лингвокультура, инвективная лексика, зоонимы, татарский язык, удмуртский язык, этноспецифическое.

Инвектива (англ. *investive* – обличительная речь, брань) – культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста, а также устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той или иной культурной традиции как оскорбительный для адресата [Грицанов 2003, 420]. Инвективность свойственна всем без исключения этнокультурам, представляя собой отражение общечеловеческих психофизиологических и поведенческих особенностей. Несомненен и тот факт, что в той или иной степени это явление носит и национально-культурный характер, отражая специфические черты менталитета народа. Таким образом, средства выражения инвективности, прежде всего вербальные, относятся к маркированным. Кроме того, каждый народ в ходе своей истории формирует конгломерат культурных ценностей, присущий только ему. Следовательно, каждое языковое сообщество пользуется свойственной только ему шкалой этических ценностей, системой образных, лексических и фразеологических средств, сравнений, олицетворений и т. п., вследствие чего проявляются и существенные различия. Попытки исследования данной проблемы, предпринятые нами в некоторых предыдущих работах, также дают основания для таких суждений [Тагирова 2009; Тагирова 2010; Тагирова, Вахитова 2014а; Тагирова, Вахитова 2014б].

В статье рассматриваются функциональные особенности инвективного пласта лексики в татарском и удмуртском языках. Взаимосвязь, взаимовлияние и взаимопроникновение удмуртского и татарского народов отражаются не только в материальной и духовной культуре, но и в языке, в первую очередь в его лексическом составе, следовательно, и в используемой народами инвективной лексике. Ввиду того что удмуртский и татарский языки наиболее тесно контактируют, полагаем, что и сходство в инвективной их лексике значительнее по сравнению с другими языками. В татарской и в удмуртской этнических традициях осуждению подвергаются одни и те же общечеловеческие отрицательные черты характера и поведения, что тоже обусловлено наличием общих черт. Однако каждый этнос выделяет, оценивает и называет явления и объекты окружающей действительности, исходя из своих ментальных особенностей.

Инвективная лексика, направленная на отражение отрицательных качеств человека и его поступков, часто сравнивает их с характеристиками представителей животного мира. Так, из французских учёных, изучающих проблему классификации инвективной лексики, Д. Лагоржет в числе трех базисных категорий инвектив, направленных на оскорбление человека, наравне со сравнениями его с другими (по профессии, нравам) и уничижением неотъемлемых характеристик человека (расовых, родственных и т. д.), приводит сравнения с животными [Lagorgette 2007, 116–128]. По мнению инвектолога В. И. Жельвиса, зоометафоры и зоосравнения «характерны для всех без исключения национальных культур, являя собой, таким образом, классический пример универсалии» [Жельвис 1990, 41]. Исследователь Лоуренс утверждает, что «ни одна область не дает такое яркое выражение символических представлений; символика посредством использования животных является исключительной, многочисленной и постоянной» [Lawtence 1993, 301]. Мы полностью разделяем точку зрения этих учёных относительно функциональной значимости инвектив-зоонимов, учитывая, что в татарском и удмуртском языках инвективная лексика с элементом-зоонимом также весьма многочисленна. Зооокативам изначально присуща образность, как определяющий фактор при характеристике внешности, умственных и физических способностей и других качеств человека.

Некоторые исследователи считают, что зоонимы теряют свою значимость: «Многочисленные табу, связанные с животными, делали зоонимы мощными инвективами в архаичных культурах, однако в современной культуре инвективы типа “зелёная черепаха” у китайцев или “конь” у сербов теряют свою экспрессивность, – между тем инвективы “свинья” или “собака” сохраняют свой статус в контексте мусульманской культуры» [Грицанов 2003, 420]. Возможно, исследователь отчасти прав в том, что касается снижения активности употребления или уровня экспрессивности тех или иных единиц в определённых языках. Однако, как показывают исследования, зоонимы всегда были и остаются едва ли не самыми активными лексическими средствами выражения инвективности практически во всех языках. Этому мнению придерживаются и другие исследователи. Так, по данным А. Т. Байдуллиной, в образовании фразеологических единиц-сравнений в удмуртском языке зоонимы занимают основное место [Байдуллина 2015, 140]. По нашему мнению, исследование данного пласта лексики представляет большой интерес с точки зрения его эмоционально-экспрессивных, образных, стилистических возможностей, а также в плане отражения этноспецифических особенностей.

И в татарских, и в удмуртских инвективных наименованиях человека нашли отражение прежде всего названия домашних животных.

Инвективы тат. *сарык* 'овца' и *барэн* 'баран', удм. *ыж* 'овца' и *така* 'баран' ассоциируются с интеллектуальными недостатками: тат. *аңгыра сарык* (букв. 'тухая овца') 'глупый', *сарык көтүе* (букв. 'отара овец') 'неорганизованная, бестолковая толпа'; удм. *така кымес* (букв. 'бараний лоб') 'тугодум', *әžjos kad' ve' länä* (букв. 'ходить как овцы') 'ходить кучкуясь, не зная куда', *ыж йыр* (букв. 'варёная овечья голова') и др. Однако удмуртская инвектива *така* 'баран' имеет дополнительное значение и используется для номинации человека, обладающего дефектами зрения: *синтэм така* (букв. 'слепой баран'), *śimtem taka kad' ve' länä* (букв. 'ходить как безглазый баран') 'постоянно на что-то наткаться' и др. Такого значения инвективы не наблюдается в татарском языке. Кроме того, в удмуртской этнической традиции сравнение с овцой означает трусость: *ыж кадь* (букв. 'как овца') 'пугливый'.

В функционировании зоонима *үгез* 'бык' в татарском языке можно выделить коннотации 'свирепость', 'злость', 'неуправляемая сила', 'упрямство', 'слишком упитанный': *үгез булу* (букв. 'стать быком') 'разжиреть, растолстеть', *үгез кебек карау* (букв. 'смотреть как бык') 'смотреть исподлобья, смотреть зло', *кире үгез* (букв. 'упрямый бык') 'упрямый' и др. В удмуртском языковом сознании за данным словом тоже закреплено значение упрямства: *ош кадь ваменэс* 'упрям как бык'.

В среде татар зооним *эт* 'собака' как инвектива применяется для обозначения самых разных пороков и недостатков: *эт авыз* (букв. 'собачий рот') 'болтун', *урам эте* (букв. 'уличная собака') 'бродяга', *котырыган эт* (букв. 'бешеная собака') 'вспыльчивый', *этбаиш* (букв. 'собакоголовый') 'неприглядный внешний вид', *эт жсан* (букв. 'собачья душа') 'подлый', *эт кебек өрү* (букв. 'лаять как собака') 'быть злым, ругаться', *эттэн туган* (букв. 'рождённый собакой') 'сукин сын' и др. Удмурты также приписывают этой инвективе значение злости, агрессии, подлости: *думетысь пуны* (букв. 'цепная собака'), *шйи сиись пуны* (букв. 'собака, питающаяся падалью'), *ринä kad' urot* (букв. 'плохой как собака') 'преисполнен злобы' и т. п.

Удмуртское диалектное слово *кучай* (букв. 'собачка, сучка') используется для негативной номинации распутной женщины. Ту же инвективную функцию выполняет в татарском языке слово *әнчек*.

Инвективные компоненты тат. *мәче* и удм. *көчыш* 'кот' используются для номинации различных пороков. Татары приписывают значение подлости, коварства, неблагодарности: *кара мәче* (букв. 'чёрный кот') 'злонамеренный', *кыямät мәчесе* (букв. 'кот судного дня') 'неблагодарный' и др. Удмурты выражают только значение лени: *гур выл көчыш* (букв. 'запечный кот') 'лентяй, лежебока', что характерно и для татар: *Бохар мәчесе* (букв. 'бухарский кот') 'лентяй, лежебока'.

Зооним *сыер* 'корова' ассоциируется в обоих языках с неуклюжестью, грузностью, глупостью: тат. *сыер булу* (букв. 'стать коровой') 'стать огромным, грузным, неуклюжим, как корова', *ахмак сыер* 'тухая корова' и др.; удм. *skal kad' ve' länä* (букв. 'ходить как корова') 'быть огромным, неуклюжим, как корова' и др.

Тат. *ат* 'лошадь' обозначает слишком большого, крупного человека, в удмуртском языке каких-либо инвективных значений данного слова нами не выявлено.

Кәжә 'коза' в татарском языке ассоциируется прежде всего с упрямством: *кире кәжә* (букв. 'упрямая коза'), а также используется для выражения пренебре-

жительного, уничижительного отношения к незначительным, мелким субъектам: *кара кәжә* (букв. 'чёрная коза'), *сасы кәжә* (букв. 'смрадная коза') и др. Употребления зоонима *кеч*, *гурткеч*, *куакеч* в функции инвективы в удмуртском языке нами не обнаружено.

Названия диких животных также отражены в инвективных лексических средствах обоих языков.

Төлке и *žичы* 'лиса' в татарской и удмуртской культурах ассоциируются с хитростью: тат. *койрыксыз төлке* (букв. 'бесхвостая лисица'), *карт төлке* (букв. 'старый лис'); удм. *быжтэм žичы* (букв. 'лиса бесхвостая'), *мййы žичы* (букв. 'старая лиса'). В данном случае видим совпадение и образной составляющей, и средств выражения.

Татарская и удмуртская этнические культуры одинаково рассматривают зоонимы *куян* и *кеч* 'заяц' как олицетворение трусости: тат. *куян жан* и удм. *кеч лул* (букв. 'заячья душа') и тат. *куян йөрәк* и удм. *кеч сюләм* (букв. 'заячье сердце') 'трус' и др. Однако удмурты приписывают ему еще и значение хвастливости: *ушъяськись кеч* (букв. 'хвастливый заяц').

Татарское *елан* и удмуртское *кый* 'змея' в обеих культурах – символы злости, коварства и жестокости: тат. *зәһәр елан* (букв. 'ядовитая змея'), *кара елан* (букв. 'чёрная змея'); *елан яшен ялаган* (букв. 'слизавший слезы змеи') и др.; удм. *кый сюләм* (букв. 'змеиное сердце') и др.

Лексема *аю* 'медведь' в татарском сознании – синоним неповоротливости, неуклюжести. В удмуртской лингвокультуре тоже есть подобное значение: *гондыр сямен гембыр-гембыр мынэ* 'идёт грузно как медведь'. Кроме того, *гондыр* 'медведь' употребляется в значении 'некрасивый, страшный', 'злой': *гондыр сәп сием* (букв. 'медвежью желчь съел') 'злой' и др.

Названия птиц, диких и домашних, активно используются в татарском и удмуртском социумах для обозначения различных человеческих недостатков.

Тавык 'курица' в татарской культуре имеет обширный набор инвективных значений: *алама тавык* (букв. 'обтрёпанная курица') 'неопрятная женщина', *тавык йөрәк* (букв. 'куриное сердце') 'трус', *тавыкбаиш* (букв. 'куриная голова') 'тупица', *сукыр тавык* (букв. 'слепая курица') 'слабовидящий, невнимательный', *өй тавыгы* (букв. 'домашняя курица') 'домосед', *маңка тавык* (букв. 'сопливая курица') 'сопляк' и др. Таким образом, в татарском языке в совокупности со словами-конкретизаторами *тавык* 'курица' может обозначать глупость, неряшливость, трусость, дефекты зрения и др. человеческие недостатки. В удмуртском языке слово *курег* 'курица' может использоваться не только для номинации нерешительного или глупого человека: *синтэм курег* (букв. 'безглазая курица') 'подслеповатый', *сульыкмем курег* (букв. 'мокрая курица') 'размазня', *курег йыр* (букв. 'куриная голова') 'бестолковый', но и для обозначения злого, а также ворчливого человека: *коро курег* (букв. 'курица-наседка') 'злюка, упрямец, капризник, ворчун'.

Татарская традиция приписывает слову *этәч* 'петух' инвективное значение 'забияка, задира': *калай этәч* (букв. 'жестяной петух') или *кәгазь этәч* (букв. 'бумажный петух') 'забияка', *көзге этәч* (букв. 'осенний петух') 'драчун' и т. п. В удмуртском языке оно встречается в выражении *бер чоръясь атас* (букв. 'поздно кукарекающий петух'), означая несообразительного человека.

Ябалак ‘сова’ в татарском языке – синоним невнимательности, плохого зрения, а также глупости: *сукыр ябалак* (букв. ‘слепая сова’) ‘слепец’; в удмуртском *кучыран* ‘сова’ обозначает гадкого, мерзкого, низкого человека.

Инвективной *туливить* ‘кулик’ удмурты пренебрежительно обозначают выскочку. Соответствующее этому значению слово *шолди* в татарском языке инвективным значением не обладает.

В татарском языке *чебеш* ‘цыплёнок’ употребляется для номинации болезненного, невзрачного человека: *чирле чебеш* (букв. ‘больной цыплёнок’) ‘дохлик’, *көзге чебеш* (букв. ‘осенний цыплёнок’) ‘замухрышка’ и др. В удмуртском языке нами не выявлено случаев использования данной зоометафоры как инвективы.

Единица *чыпчык* ‘воробей’ используется для инвективного обозначения глупого, трусливого человека: *чыпчык баш* (букв. ‘воробьиная голова’) ‘глупец’, *чыпчык йөрәк* (букв. ‘воробьиное сердце’) ‘трус’ и др. Удмурты данное слово не относят в разряд инвектив.

В рассматриваемых языках человек и его недостатки часто сравниваются с насекомыми. Нами выявлены следующие единицы, применяемые для обозначения негативных черт человека:

Лексема *майсы* ‘шмель’ в удмуртском языке олицетворяет тихоню. В татарском языке данное слово не используется для номинации отрицательных черт человека.

Удмуртский зооним *кей* ‘моль’ в составе *лушкем кей* (букв. ‘тихая моль’) используется для номинации низкого и подлого человека, а в татарском языке *көя* ‘моль’ не является инвективной.

Татарское *кигэвен* и удмуртское *лузь* ‘овод’ обозначают назойливого человека и полностью совпадают в образном плане.

В обоих языках *таракан* обозначает отвратительного и ничтожного человека: тат. *мунча тараканы* (букв. ‘мокрица’), удм. *таракан лул* (букв. ‘тараканья душа’).

Татарское *чикерткэ* ‘стрекоза’ подразумевает легкомысленную женщину. В удмуртском за лексемами *вукарнан*, *чарнык* ‘стрекоза’ подобной коннотации не обнаружено.

Татарская инвектива *чебен* ‘муха’ передаёт целый набор человеческих недостатков: *бэйләнчек чебен* (букв. ‘назойливая муха’) ‘назойливый’, *сукыр чебен* (букв. ‘слепая муха’) ‘слепец’, *чебен жан* (букв. ‘душа мухи’) ‘трус’ и др. В удмуртских лексикографических источниках инвективных значений этого слова не зафиксировано.

Күбәләк ‘бабочка’ в татарском языке выражает значения *жылбазак күбәләк* (букв. ‘легкомысленная бабочка’) ‘легкомысленный’, *көнче күбәләк* (букв. ‘завистливая, ревнивая бабочка’) ‘завистник’ и др. В удмуртском языке данное слово инвективной не является.

Удмурты используют инвективу *шөкыч* ‘шершень’ для номинации хитрого и злого человека: *майсы кадь каллен, шөкыч кадь кескич* ‘тих как шмель, хитёр как шершень’. В татарском языке за данным словом инвективная функция не закреплена.

Инвектива *бокро* ‘жук’ используется удмуртским этносом для обозначения неуклюжего, неповоротливого, нерасторопного человека. Данная инвектива лакунарна по отношению к татарскому языку.

Многие проанализированные единицы в обоих рассматриваемых языках демонстрируют аналогичную, иногда даже совершенно идентичную семантическую

структуру. Например, тат. *хайван* и удм. *кайван* (букв. 'животное') в инвективном значении обозначают целый набор человеческих недостатков: грубиян, невежда, сволочь и др. В обоих языках для обозначения семы 'тунеядство' используются образ и слово тат. *сорыкорт*, удм. *узыри* (букв. 'трутень') 'дармоед, тунеядец, нахлебник'. Сюда же относятся инвективы с компонентами тат. *бозау* и удм. *кунян* 'теленочек' как негативная характеристика беспомощного, бестолкового и медлительного человека или тихони: тат. *яңа туган бозау* и удм. *вож кунян* (букв. 'новорожденный теленок') и др. Зоонимы тат. *дуңгыз* и удм. *парсь* 'свинья' также несут одинаковую инвективную нагрузку, применяясь в отношении: грязного, нечистоплотного, неряшливого человека: тат. *дуңгыз булу* (букв. 'превратиться в свинью') 'испачкаться, измазаться'; удм. *parś kad' ulñnñ* (букв. 'жить как свинья') 'жить в грязи', *parś kad* (букв. 'как свинья') 'грязнуля', *parś kad' siskene* (букв. 'есть как свинья') 'есть неаккуратно'; подлого человека: тат. *оятсыз дуңгыз* (букв. 'бессовестная свинья') 'подлец, бессовестный'; людей, склонных к полноте: тат. *дуңгыз кебек* (букв. 'как свинья') 'тучный, жирный'; удм. *кӧй парсь* (букв. 'жирная свинья'), *кӧжӧ парсь кад'* (букв. 'жирный, как откормленная свинья') 'толстяк'. Полное совпадение прослеживается и в инвективном употреблении зоонима *перепел*. Интересно, что в обоих языках функционируют по две лексемы для обозначения одной птицы. И в обоих языках бытуют разные значения этого зоонима. Так, значение 'болтун' в татарском языке закрепилось за лексемой *бытбылдык*, а значение 'толстяк, толстушка' – за словом *бүдәнә*. В удмуртском – зооним *паляка* 'перепел' олицетворяет болтуна, а *бӧдӧно* 'перепел' в сочетании *кӧй бӧдӧно* и *кӧй паляка* – характеристика полного человека (букв. 'жирный перепел').

В функционировании зоонимов как инвектив прослеживается единство некоторых образных составляющих. Так, для выражения уничижительного отношения к умственным способностям человека используется сравнение с животными, которые считаются у народа самыми глупыми, незначительными или мелкими: тат. *чыпчык баш* (букв. 'воробьиная голова'), *тавыкбаш* (букв. 'куриная голова'), *аңгыра тавык* (букв. 'безмозглая курица'), *визьмыд пыч йыр быдӟа* (букв. 'твой ум с голову блохи') и др.

Несмотря на то что у большинства зоонимов в рассматриваемых языках схожая семантическая нагрузка и аналогичны способы их метафоризации, различия в функционировании инвектив-зоонимов, конечно же существуют, чему есть немало примеров.

Так, в татарском языковом сознании слово *тиен* 'белка' не имеет переносного, тем более инвективного значения, тогда как удмурты приписывают данному слову значение чрезмерной худобы: *кыскем (нием) коньы кадь* (букв. 'как белка с содранной шкурой'). Заметим: для передачи того же значения в татарском используется сравнение с зайцем: *тунаган куян* (букв. 'заяц с содранной шкурой'). Слово *саескан* 'сорока' в татарском используется по отношению к болтливой и глупой женщине, а в удмуртском *быжтэм кочо* (букв. 'сорока бесхвостая') означает 'вертлявый, непоседливый'. Так обстоит дело и со следующими единицами. Зоовокатив *куажы* 'коростель' в удмуртском языке характеризует худого человека, тогда как татарское *тартар* 'коростель' ассоциируется с болтуном. А по отношению к высоким и худым людям татары используют слово *челән* 'цапля', которое, в свою очередь,

в удмуртском не является инвективой. *Үрмәкүч* 'паук' в татарском языке часто используется в контексте для передачи коннотации 'злбный и жадный'. В удмуртском сложилось выражение *чонари* 'паук' ~ *кук* (букв. 'паучья нога') 'тонконогий'.

Анализируемый материал показывает, что план выражения и план содержания могут в двух языках быть не только разными, но и прямо противоположными. Так, *буре* 'волк' в татарском языке в составе выражения *карт буре* (букв. 'старый волк') означает опытного, бывалого человека. В удмуртском же – *кион* 'волк' номинирует злого, ленивого, жадного, неповоротливого человека: *kijon kad' iŋkənə* (букв. 'смотреть как волк') 'глядеть волком, зло, нахмутив брови', *сьось ксион* (букв. 'жадный волк') 'ненасытный', *кустэм ксион* (букв. 'волк без поясицы') 'неповоротливый' и др. А некоторые лексемы, даже в пределах одного языка, употребляются для выражения всей палитры сем. Так, удм. *parś* 'свинья': *uŋstem parś kad'* (букв. 'быть как свинья') 'сидеть без дела' и *parś kad' ižanə* (букв. 'работать как свинья') 'работать с упорством' выражают понятия противоположных концов семантического ряда.

Употребление некоторых зоонимов в качестве инвектив в рассматриваемых языках представляет собой лакунарное явление, так как не имеет никакого соответствия в другом языке. Возможно, к таким единицам можно отнести в татарском *көзән* ('хорёк') 'противный, ничтожный, вредный'; *ләтча* ('выдра') о вредной женщине и т. п. В удмуртском являются подобного рода лакунами: *жум шыр* (букв. 'вялая мышшь') 'тихоня', *востэм пычей* 'тихий короед' (о тихом, но коварном человеке), *зын какы* (букв. 'лесной клоп') 'противный, зловредный', *лемтэй* ('клещ') 'проныра', *налим кадь чус* (букв. 'тихий как налим') 'скрытный' и др.

Как явствует из результатов исследования, зоонимы как инвективные единицы активно используются в обеих лингвокультурах. При всём сходстве причин, общечеловеческих стереотипов, языковой ситуации, близости и взаимопроникновении культур и других составляющих, в их функционировании наблюдается специфика, свойственная каждой из культур, что обусловлено рядом объективных причин. Так, каждое языковое сообщество вкладывает в зооним и использует его в определённом значении в соответствии со сложившимися в нём стереотипными представлениями об этом животном: иными словами, один народ выделяет в животном некое качество как наиболее характерное, а другой – видит как основную совершенно другую его особенность. Для одного народа важен цвет, для другого – повадки, для третьего – характерный звук и т. д. Так закладываются неповторимые сочетания в процессах номинации и метафоризации. Мало того, в качестве инвективы, как правило, используются названия животных, самых распространённых в данной местности, с повадками которых знаком каждый, и сравнение с которыми вызывает одинаковые ассоциации у всех носителей данного языка. Так, в татарском языке некоторые зоонимы, такие как *чыпчык* 'воробей', *челән* 'цапля', *чебеш* 'цыплёнок', *кубаләк* 'бабочка' и др., используются для обозначения негативных качеств человека, а в удмуртском – нет. Как и наоборот: в удмуртском зоонимы *туливить* 'кулик', *шобкыч* 'шершень', *майсы* 'шмель' несут отрицательную коннотацию, а их татарские эквиваленты *шөлди*, *божан*, *төклетура* – нет.

Исследование также показывает, что в обоих языках зооокативы могут быть полисемантическими, означая несколько недостатков личности одновременно, что объясняется подвижностью и диффузностью значений инвективных единиц.

В ходе исследования инвективной лексики нами были обнаружены случаи, в которых зоосравнения основываются на частично или полностью схожих образах и мотивах номинации. Существуют и случаи полной лакунарности, когда в одном языке не обнаруживаются точные или сколь-нибудь схожие единицы, соответствующие единице другого языка.

Межъязыковое сравнение инвективной лексики, представленное в статье, выявило множество универсальных и национально-специфических черт в языке татарского и удмуртского этносов.

ЛИТЕРАТУРА

Байдуллина А. Т. К вопросу о компаративных фразеологизмах у удмуртском языке // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков: Сб. ст. Ижевск – Будапешт: Изд-во «Удмуртский университет», 2015. С. 137–144.

Грицанов А. А. Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Минск: Книжный Дом, 2003. 1280 с.

Дзюина К. Н. Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь. Ижевск: Удмуртия, 1967. 133 с.

Егоров А. В. Универсальное и национально-специфичное в удмуртской и венгерской фразеологии // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XII междунар. симпозиума (21–22 октября 2008 г., Ижевск) / Отв. ред. А. Ф. Шутов; УдГУ / Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2008. С. 102–107.

Егоров А. В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской) / А. В. Егоров. Екатеринбург–Ижевск: УрО РАН, 2011. 200 с.

Жельвис В. И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия: Уч. пос. / В. И. Жельвис. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1990. 81 с.

Кельмаков В. К. Удмурт синоним кыллюкам: Дышеткисьёс понна. («Удмурт кылобур» серия). Ижевск: Удмуртия, 2009. 296 бам.

Китиков А. Е. Пословицы и поговорки финно-угорских народов. Йошкар-Ола: Марийское книжн. изд-во, 2004. 336 с.

Лесникова Г. Н. Особенности употребления удмуртских фразеологизмов // Пермистика 4: Пермские языки и диалекты в синхронии и диахронии: Сб. ст. / Удм. ун-т. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск, 1997. С. 92–96.

Русско-удмуртский словарь / Под ред. А. Бутолина. Ижевск: Удгиз, 1942. 408 с.

Тагирова Ф. И., Вахитова Д. К. Специфика функционирования инвективных единиц в татарском и удмуртском языках // Актуальные проблемы татарской филологии: материалы Всеросс. научно-практич. конф. 12 декабря 2014 г. / Отв. ред. И. Ф. Зарипова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 169–175.

Тагирова Ф. И., Вахитова Д. К. Особенности инвективного словоупотребления в татарском и чувашском языках // Современная тюркология: язык, литература, история и культура тюркских народов: Материалы VII междунар. тюркологич. конф. (Россия, Республика Татарстан, г. Елабуга, 7 февраля 2014 г.). Елабуга: Изд-во Елабужского института КФУ, 2014. С. 83–86.

Тагирова Ф. И. Фразеологизмы как отражение этноспецифической картины мира // Сборник материалов международной научной конференции «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики». В 2-х ч. Ч. II. Чебоксары, ЧГИГН, 2009. С. 142–143.

Тагирова Ф. И. Маркеры этноспецифической информации в составе фразеологизмов (на примере татарского и удмуртского языков) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 2. С. 17–20.

Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов. Ижевск, 2008. 925 с.

Удмуртско-русский словарь / Под ред. В. М. Вахрушева. М.: Русский язык, 1983. 591 с.

Lagorgette D. Termes d'adresse et insultes: discours sur l'autre ou sur moi // The French Language and questions of identity. London, 2007. Pp. 116–128.

Lawrence E. A. The sacred bee, the filthy pig, and the bat out of hell. Animal symbolism as cognitive biophilia // The Biophilia Hypothesis, 1993, pp. 301–340.

Sommer R., Sommer B. A. Zoomorphy: Animal Metaphors for Human Personality // Anthrozoös, 2011, vol. 24, no. 3, pp. 237–248.

Поступила в редакцию 19.05.2017

Тагирова Фяридя Инсановна,

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник,
обособленное подразделение ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»
«Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ»,
420111, Россия, г. Казань ул. К. Маркса, 12
e-mail: feride2412@mail.ru

Вахитова Диляра Касимовна,

кандидат филологических наук, старший преподаватель,
ФГБОУ ВО «Казанский государственный
архитектурно-строительный университет»,
420043, Россия, г. Казань, ул. Зелёная, 1
e-mail: dilik15@yandex.ru

F. I. Tagirova, D. K. Vakhitova

Functioning of the Invective Vocabulary with a Zoonym Component in the Tatar and Udmurt Languages

The paper deals with the zoonyms in the Tatar and Udmurt languages with the aim of identifying the most characteristic features in their functioning as invectives. The results of the interlingual comparison indicate that in both languages lexical and phraseological means including the names of animals are widely used as the most emotionally expressive and stylistically marked invectives. At the same time there are units which are completely identical, partly similar, different and opposite in terms of semantic and figurative matter.

Keywords: linguistic culture, invective vocabulary, zoonyms, the Tatar language, the Udmurt language, ethnic specifics.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, vol. 11, issue 4, pp. 31–41. In Russian.

REFERENCES

Bajdullina A. T. K voprosu o komparativnyh frazeologizmah v udmurtskomazyke [Towards the issue of comparative phraseology in the Udmurt language]. *Sovremennoe udmurtovedenie v kontekste komparativistiki, kontaktologii i tipologii jazykov: Sbornik statej* [Modern Udmurtology in the context of comparativistics, contactology and typology of languages: Collection of articles]. Izhevsk–Budapest, Udmurtskij universitet Publ., 2015, pp. 137–144. In Russian.

Gricanov A. A. *Noveishii filosofskij slovar'* [The newest philosophical dictionary]. Minsk, Knizhnyj Dom Publ., 2003. 1280 p. In Russian.

Dzjuina K. N. *Kratkij udmurtsko-russkij frazeologicheskij slovar'* [Concise Udmurt-Russian phraseological dictionary]. Izhevsk, Udmurtija Publ., 1967. 133 p. In Russian.

Egorov A. V. Universal'noe i nacional'no-specifichnoe v udmurtskoj i vengerskoj frazeologii [Universal and nationally specific in the Udmurt and Hungarian phraseology]. *Permistika XII: Dialekty i istorija permskih jazykov vo vzaimodejstvii s drugimi jazykami: Materialy XII mezhdunarodnogo simpoziuma (21–22 oktjabrja 2008 g., Izhevsk)* [*Permistika XII: Dialects and history of the Permian languages in interaction with other languages: Proceedings of the XII International Symposium (October 21–22, 2008, Izhevsk)*]. Izhevsk, 2008, pp. 102–107. In Russian.

Egorov A. V. *Udmurtskaja somaticheskaja frazeologija (v sopostavlenii s vengerskoj)* [Udmurt somatic phraseology (in comparison with the Hungarian)]. Ekaterinburg–Izhevsk, URO RAN Publ., 2011. 200 p. In Russian.

Zhel'vis V. I. *Emotivnyj aspekt rechi. Psiholingvisticheskaja interpretacija rechevogo vozdejstvija: Uchebnoe posobie* [Emotional aspect of speech. Psycholinguistic interpretation of the speech impact: Textbook]. Yaroslavl, YaGPI im. K.D. Ushinskogo, 1990. 81 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Udmurt sinonim kylljukam: Dyshetskis'ës ponna. («Udmurt kylos-bur» serija)* [*Dictionary of Udmurt Synonyms: for Students (“Udmurt kylos-bur” series)*]. Izhevsk, Udmurtija Publ., 2009. 296 p. In Russian.

Kitikov A. E. *Poslovcy i pogovorki finno-ugorskih narodov* [Proverbs and sayings of the Finno-Ugric peoples]. Yoshkar-Ola, Mariiskoe knizhnoe Publ., 2004. 336 p. In Russian.

Lesnikova G. N. Osobennosti upotreblenija udmurtskih frazeologizmov [Peculiarities of the Udmurt phraseological units usage]. *Permistika 4: Permskie jazyki i dialekty v sinhronii i diahronii: Sbornik statej* [*Permistika 4: the Permian languages and dialects in synchrony and diachrony: Collection of articles*]. Izhevsk, 1997, pp. 92–96. In Russian.

Russko-udmurtskij slovar' [Russian-Udmurt dictionary]. Izhevsk, Udgiz Publ., 1942. 408 p. In Russian.

Tagirova F. I., Vakhitova D. K. Specifika funkcionirovanija invektivnyh edinic v tatarskom i udmurtskomazykah [Specificity of invective units functioning in the Tatar and Udmurt languages]. *Aktual'nye problemy tatarskoj filologii: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii* [Current issues of the Tatar philology: materials of the all-Russian research and practice conference]. Ufa, 2014, pp. 169–175. In Russian.

Tagirova F. I., Vakhitova D. K. Osobennosti invektivnogo slovopotreblenija v tatarskom i chuvashskomazykah [Peculiarities of the invective usage in the Tatar and Chuvash languages]. *Sovremennaja tjurkologija: jazyk, literatura, istorija i kul'tura tjurkskih narodov: Materialy VII mezhdunarodnoj tjurkologicheskoi konferencii (Rossija, Respublika Tatarstan, g. Elabuga, 7 fevralja 2014 goda)* [Modern Turkology: Language, literature, history and culture of the Turkic peoples: Proceedings of the VII International Turkic conference (Russia, Republic of Tatarstan, Elabuga)]. Elabuga, 2014, pp. 83–86. In Russian.

Tagirova F. I. Frazеologizmy kak otrazhenie jetnospecificheskoj kartiny mira [Phraseological units as reflection of ethnospecific worldview]. *Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Chuvashskij jazyk i sovremennye problemy altaistiki». V 2 t.* [Collection of materials of the international scientific conference “The Chuvash language and modern problems of Altaism”. In 2 vol.]. Cheboksary, 2009, vol. 2, pp. 142–143. In Russian.

Tagirova F. I. Markery jetnospecificheskoj informacii v sostave frazeologizmov (na primere tatarskogo i udmurtskogo jazykov) [Markers of ethnospecific information as part of phraseological units (on the example of the Tatar and Udmurt languages)]. *Ezegodnik finno-ugorskih issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2010, no. 2, pp. 17–20. In Russian.

Udmurtsko-russkij slovar' [Udmurt-Russian Dictionary]. Izhevsk, URO RAN Publ., 2008. 925 p. In Russian.

Udmurtsko-russkij slovar' [Udmurt-Russian Dictionary]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1983. 591 p. In Russian.

Lagorgette D. Termes d'adresse et insultes: discours sur l'autre ou sur moi. *The French Language and questions of identity*. London, 2007, pp. 116–128.

Lawrence E. A. The sacred bee, the filthy pig, and the bat out of hell. Animal symbolism as cognitive biophilia. *The Biophilia Hypothesis*, 1993, pp. 301–340.

Sommer R., Sommer B. A. Zoomorphy: Animal Metaphors for Human Personality. *Anthrozoös*, 2011, vol. 24, no. 3, pp. 237–248.

Received 19.05.2017

Tagirova Fyaridya Insanovna,

Candidate of Sciences (Philology), Leading Research Associate,
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
12, ul. K. Marx, Kazan, 420111, Russian Federation
e-mail: feride2412@mail.ru

Vakhitova Dilyara Kasimovna,

Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor,
Kazan State University of Architecture and Engineering
1, ul. Zelenaya, Kazan, 420043, Russian Federation
e-mail: dilik15@yandex.ru